

Франсуа Мишель Натанаэль Фарнир¹

*¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің оқытушысы,
Қазақстан, Алматы қ.*

ЖҰМСАҚ КҮШТІ ӨЛШЕУ МӘСЕЛЕСІ

Аннотация

Әлемдік саяси жүйенің трансформациясы мен мемлекеттер арасындағы бәсекелестіктің күшеюі жағдайында ықпал етудің материалдық емес ресурстары барған сайын маңызды бола түсуде. Осындай ресурстардың бірі – жұмсақ күш (soft power). Елдерді жұмсақ күш деңгейі бойынша рейтингтеуге ұмтылатын көптеген индекстердің болуына қарамастан, жұмсақ күшті өлшеу әдіснамалық тұрғыдан күрделі міндет болып қала береді. Мұндай рейтингтерде қолданылатын критерийлер әртүрлі түсіндірілуі мүмкін: бір фактор белгілі бір аудиторияда симпатия тудырса, басқа аудиторияда керісінше қабылданбауы мүмкін. Сонымен қатар, жұмсақ күшті саяси элиталар деңгейінде және кең қоғамдық деңгейде қабылдау арасында айырмашылық бар. Бұл мақалада жұмсақ күшті өлшеудің негізгі критерийлері қарастырылып, «мемлекеттің жұмсақ күшін объективті түрде бағалауға бола ма?» деген сұраққа жауап ізделеді. Зерттеуде ғылыми әдебиеттер мен екінші дереккөздерді талдау негізінде аналитикалық, салыстырмалы, жүйелі, тарихи-салыстырмалы және сындарлы әдістер қолданылды.

Кілт сөздер: жұмсақ күш, халықаралық қатынастар, өлшеу, жұмсақ күш индекстері, дипломатия, мәдениет, қабылдау, экономикалық ықпал, халықаралық имидж, әдіснама, саяси коммуникация, сыртқы саясат, мәдени дипломатия.

Франсуа Мишель Натанаэль Фарнир¹

¹преподаватель КазНПУ имени Абая, Казахстан, г.Алматы

ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ

Аннотация

В условиях трансформации мировой политической системы и усиления конкуренции между государствами всё большую значимость приобретают нематериальные ресурсы влияния. Одним из таких ресурсов является мягкая сила (soft power). Несмотря на наличие множества индексов, стремящихся ранжировать страны по уровню мягкой силы, измерение мягкой силы остаётся методологически сложной задачей. Критерии, используемые в таких рейтингах, могут быть интерпретированы по-разному: одни и те же факторы могут вызывать симпатию у одних аудиторий и отторжение у других. Кроме того, существует различие между восприятием мягкой силы на уровне политических

элит и на уровне широкой общественности. В данной статье рассмотрены некоторые из самых главных критериев измерения мягкой силы, для того, чтобы ответить на вопрос «можно ли объективно оценить мягкую силу какой-либо страны». В статье использованы аналитический, сравнительный, системный, историко-сравнительный и критический методы на основе анализа научной литературы и вторичных источников.

Ключевые слова: мягкая сила, международные отношения, измерение, индексы мягкой силы, дипломатия, культура, восприятие, экономическое влияние, международный имидж, методология, политическая коммуникация, внешняя политика, культурная дипломатия.

François Michel Nathanaël Farnier¹

¹Lecturer, Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan, Almaty

THE PROBLEM OF MEASURING SOFT POWER

Abstract

In the context of the transformation of the global political system and increasing competition among states, intangible resources of influence are gaining ever greater importance. One of these resources is soft power. Despite the existence of numerous indices that attempt to rank countries by their level of soft power, measuring soft power remains a methodologically complex task. The criteria used in such rankings can be interpreted in different ways: the same factors may evoke sympathy in some audiences and rejection in others. Moreover, there is a distinction between the perception of soft power at the level of political elites and that of the general public. This article examines some of the key criteria for measuring soft power in order to answer the question: “Is it possible to objectively assess the soft power of a given country?” The study employs analytical, comparative, systemic, historical-comparative, and critical methods based on the analysis of scientific literature and secondary sources.

Keywords: soft power, international relations, measurement, soft power indices, diplomacy, culture, perception, economic influence, international image, methodology, political communication, foreign policy, cultural diplomacy.

В условиях трансформации мировой политической системы и усиления конкуренции между государствами всё большую важность приобретают нематериальные ресурсы влияния, среди которых ключевым является мягкая сила (soft power). Хотя уже существуют многочисленные индексы, ранжирующие страны по уровню мягкой силы (например, Global Soft Power Index, Soft Power 30, Nation Brands Index, Global Diplomacy Index), задача её объективного измерения по-прежнему остаётся методологически сложной.

обзор литературы:

Концепция мягкой силы подробно исследована в трудах Дж. Ная (Nye, 2004; Nye, 2011) и других авторов, которые уделяют внимание источникам и механизмам её проявления. Аналитические рейтинги мягкой силы (McClory, 2021 и др.) пытаются создать количественные метрики, но сталкиваются с глубокими методологическими ограничениями. Существует научный консенсус относительно важности дипломатии, экономики, культуры, истории и внутренней политики как факторов мягкой силы, но нет единого подхода к их оценке. Кроме того, культурная и идеологическая восприимчивость аудитории могут формировать противоположные оценки одного и того же фактора (например, защита прав ЛГБТ), что подчёркивает субъективность восприятия мягкой силы.

Цель и значимость исследования:

Статья направлена на анализ основных критериев измерения мягкой силы с целью ответа на вопрос: можно ли объективно оценить мягкую силу государства? Значимость исследования заключается в том, что она помогает уточнить границы применимости существующих индексов, выявить скрытые предпосылки оценочных схем и предложить методологические ориентиры для дальнейших работ в этой области.

Материалы и методы:

Исследование выполнено в рамках качественного теоретико-аналитического подхода с использованием следующих методов:

- 1) Обзор литературы (literature review): анализ классических и современных трудов по теории мягкой силы, международных рейтингов и критических исследований.
- 2) Сравнительный анализ (comparative method): сопоставление внешнеполитических, культурных и экономических практик таких стран, как США, Россия, Китай, Япония, Таиланд, Казахстан и др.
- 3) Историко-компаративный метод: исследование влияния исторического наследия (например, роль Германии, Россия, Китай) на международное восприятие страны.
- 4) Системный подход (systemic analysis): построение модели мягкой силы как интеграции нескольких подсистем (дипломатия, культура, экономика и т. д.).
- 5) Критический анализ: выделение слабостей и противоречий в существующих индексах мягкой силы и оценочных схемах с учётом культурного и идеологического контекста.

В качестве материалов использовались вторичные источники: публикации, рейтинговые отчёты, официальные аналитические документы (Neumann, Lo, Zhang & Alon, Rolland, Chomsky, Charap & Colton, Economy, McClory и др.).

Анализ

Дипломатическое присутствие

В числе критериев мягкой силы часто учитывается дипломатический вес. С этой точки зрения ведущие позиции занимают Соединённые Штаты Америки и Российская Федерация, при этом Китайская Народная Республика также демонстрирует высокий уровень международной вовлечённости, особенно в

экономической сфере. Тем не менее, качественные характеристики дипломатической сети этих государств существенно различаются. США традиционно обладают наиболее обширной и институционализированной сетью дипломатических связей, что отражает их статус глобальной державы (Neumann, 2008; U.S. Department of State, 2023). Россия, несмотря на более ограниченные ресурсы, сохраняет активное присутствие в различных регионах мира, особенно на постсоветском пространстве, в Азии и на Ближнем Востоке (Lo, 2015). Китай, в свою очередь, делает ставку на экономическое партнёрство и инфраструктурную дипломатию, используя такие инициативы, как «Один пояс, один путь», что позволяет ему расширять влияние, даже при относительно меньшей плотности дипломатического присутствия (Zhang & Alon, 2019; Rolland, 2017).

Однако эти показатели не всегда коррелируют с качеством восприятия. Так, несмотря на количественные показатели, международная репутация этих трёх государств остаётся неоднозначной. США нередко воспринимаются как наиболее агрессивный международный актор как в военной, так и в экономической сферах, что связано с частым применением санкционной политики и интервенций (Chomsky, 2003; Byman, 2006). Россия, особенно после событий 2014 года и полномасштабного конфликта на территории Украины с 2022 года, сталкивается с устойчивым образом агрессивного и авторитарного государства (Galeotti, 2019; Charap & Colton, 2017). Китай также подвергается критике со стороны ряда государств и международных организаций за авторитарный политический режим, ограниченность свободы слова и закрытость политической системы, что негативно сказывается на восприятии его мягкой силы (Brady, 2015; Economy, 2018).

Экономическое притяжение и богатство

Одним из дополнительных критериев оценки мягкой силы может выступать уровень экономического благосостояния государства. Богатство зачастую рассматривается как притягательный фактор для других стран и народов, стремящихся к сотрудничеству с экономически успешными государствами в надежде на получение экономических выгод и повышения собственного уровня развития (Nye, 2004; Nye, 2011). Экономическое процветание также ассоциируется в массовом сознании с такими положительными качествами, как трудолюбие, рациональность, высокий уровень образования и управленческой дисциплины (Inglehart & Welzel, 2005). В этом контексте богатство становится не только материальным, но и символическим ресурсом, усиливающим привлекательность национальной модели развития.

Тем не менее, наличие высокого уровня ВВП или значительных финансовых ресурсов не всегда коррелирует с идеологической привлекательностью соответствующего государства. Например, несмотря на экономическое могущество Саудовской Аравии, её политическая система — абсолютная монархия, основанная на шариатском праве — вызывает серьёзную критику в ряде стран, особенно в западных либеральных демократиях (Haykel, 2013; Gause, 2011). Аналогичным образом, Израиль, обладающий высокими показателями экономического развития и технологического прогресса, нередко подвергается

осуждению со стороны международного сообщества за жёсткую внешнеполитическую линию в отношении Палестины и соседних арабских государств (Smith, 2010; Slater, 2020).

Более того, притягательность экономически развитых стран может сопровождаться культурными и идеологическими конфликтами. Так, значительная часть мигрантов с Ближнего Востока, прибывающих в государства Западной Европы в поисках лучшей жизни, демонстрирует нежелание интегрироваться в местные политико-культурные контексты, включая поддержку таких ценностей, как гендерное равенство или права ЛГБТ-сообществ (Kymlicka, 2015; Koormans, 2016). Это указывает на то, что экономическое процветание не является достаточным условием для успешной проекции мягкой силы: культурная совместимость и идеологическая восприимчивость также играют ключевую роль.

Историческое восприятие

Историческое наследие представляет собой важный компонент мягкой силы, формируя культурный капитал и определяя восприятие государства в международной среде. Страны с глубокой, продолжительной и хорошо документированной историей — такие как Греция, Египет или Китай — нередко обладают более высоким уровнем символического признания, что усиливает их культурную привлекательность и статус цивилизационных центров (Nye, 2004; Huntington, 1996), несмотря на их современное политическое положение. Напротив, государства с относительно молодой государственностью или слабо представленным историческим нарративом на международной арене, такие как Нигерия или некоторые другие страны Африки и Океании, могут восприниматься в определённых кругах как «менее культурно развитые» — хотя подобная трактовка зачастую отражает колониальные и постколониальные предрассудки, распространённые в риторике правых политических движений (Said, 1978; Mudde, 2019).

При этом исторические события продолжают оказывать долговременное влияние на восприятие государств. Например, Россия сохраняет определённую положительную репутацию среди стран Глобального Юга, во многом благодаря роли Советского Союза в процессе деколонизации и поддержке освободительных движений в Азии, Африке и Латинской Америке (Mawdsley, 2012; Kalinovsky, 2013). В противоположность этому, Германия, несмотря на успешную демократическую трансформацию и высокие показатели развития, продолжает сталкиваться с наследием своего нацистского прошлого, которое накладывает ограничения на проекцию мягкой силы, особенно в странах, пострадавших от Второй мировой войны (Berger, 2012; Art, 2005).

Таким образом, история может как усиливать, так и ограничивать потенциал государства в сфере культурного и идеологического влияния, формируя устойчивые образы и ассоциации, которые нередко выходят за пределы текущей политической повестки.

Культурная привлекательность

Культурное влияние представляет собой один из ключевых компонентов мягкой силы, оказывая значительное воздействие на восприятие государств в

международной среде, особенно на уровне массового сознания. Согласно концепции Джозефа Ная, культура способна транслировать ценности и образы, которые вызывают симпатию и доверие, тем самым усиливая привлекательность государства на глобальной арене (Nye, 2004). Среди стран с наибольшим культурным капиталом выделяются Соединённые Штаты Америки, Великобритания, Франция, Япония и Южная Корея (McClory, 2021). Их влияние распространяется через глобальные индустрии кино, музыки, моды, гастрономии и популярной культуры.

Американская киноиндустрия, в частности, играет важную роль в формировании международного общественного мнения. Благодаря художественному характеру фильмов и сериалов, Голливуд нередко ретранслирует интерпретации исторических событий, выгодные США, способствуя закреплению нарратива о стране как освободителе и гаранте мирового порядка (Robinson, 2019). Подобная практика позволяет оказывать влияние на интерпретацию прошлого и тем самым укреплять международный имидж страны.

Схожие механизмы можно наблюдать и в случае Японии, чья популярная культура (аниме, манга, J-pop) способствует формированию позитивного международного образа, несмотря на неоднозначное историческое наследие, связанное с преступлениями периода Второй мировой войны, включая Нанкинскую резню и биологические эксперименты над пленными в отряде 731 (Dower, 1999; Yoshimi, 1995). Аналогичным образом Таиланд, опираясь на позитивный имидж, созданный благодаря индустрии туризма и представлениям о «дружелюбной» культуре, нейтрализует критику в отношении авторитарных тенденций в своей внутренней политике (Chachavalprongrun, 2014).

Таким образом, культурная составляющая мягкой силы не только усиливает глобальное влияние государства, но и может служить инструментом «репутационного экранирования» — сглаживания негативных аспектов внутренней и внешней политики в международном восприятии.

Внешняя политика

Внешняя политика государства представляет собой важный компонент мягкой силы, поскольку она формирует международное восприятие страны как открытого или закрытого, миролюбивого или агрессивного актора. Агрессивные или изоляционистские стратегии, как правило, негативно воспринимаются как на уровне политических элит, так и среди широкой общественности, поскольку они ассоциируются с угрозой, непредсказуемостью и нарушением международных норм (Nye, 2004; Melissen, 2005).

Именно по этой причине, в контексте вооружённых конфликтов, государства часто стремятся позиционировать себя как жертвы агрессии, стремясь избежать негативной роли агрессора в глазах международного сообщества. Например, в ходе вооружённого инцидента на границе между Таиландом и Камбоджей в 2011 году обе стороны обвинили друг друга в начале боевых действий, стараясь тем самым сохранить международную поддержку и легитимность (BBC, 2011).

Изоляционистская внешняя политика, в свою очередь, препятствует формированию позитивного образа страны за рубежом. В условиях ограниченного доступа к информации, внешние нарративы о такой стране могут

формироваться преимущественно противниками. Примером может служить КНДР, чей имидж на международной арене во многом определяется сообщениями из враждебных источников. Это приводит к распространению стереотипов и дезинформации, включая, например, популярный миф о строго ограниченном числе допустимых причёсок в стране (Lankov, 2013; Fifield, 2019). В противовес этому открытая и миролюбивая внешняя политика способствует укреплению позитивного международного имиджа. Примером служит Республика Казахстан, которая на протяжении последних десятилетий реализует политику многовекторности, стремясь поддерживать конструктивные и сбалансированные отношения как с западными, так и с восточными державами, включая Россию, Китай, США и ЕС (Laruelle, 2008; Isaacs, 2014). Такая стратегия способствует формированию репутации надёжного и прагматичного партнёра в международных делах.

Внутренняя политика

Внутренняя политика играет важную роль в формировании и измерении мягкой силы, однако критерии её оценки значительно менее однозначны по сравнению с внешнеполитическими аспектами. Социально ориентированная модель внутренней политики, как это наблюдалось в СССР, а также сохраняется в настоящее время в Кубе и странах Скандинавии, может вызывать симпатию и притягивать внимание широких масс, воспринимающих такие экономико-политические устройства в качестве привлекательной альтернативы и ориентиров для подражания (Nye, 2004; Wilson, 2008). В противоположность этому, либеральная экономическая модель, характерная, например, для Люксембурга или Каймановых островов, способна усиливать мягкую силу за счёт привлечения деловых кругов и транснациональных корпораций, заинтересованных в благоприятных офшорных режимах (Sharman, 2010).

Идеологические установки государства также оказывают разное влияние на восприятие его мягкой силы. Так, Саудовская Аравия, активно продвигающая радикальные формы ислама в мусульманских странах, укрепляет своё культурно-религиозное влияние в исламском мире (Gause, 2011). Однако такая политика может вызывать отторжение в умеренно мусульманских или светских обществах, например, в Узбекистане и Кыргызстане, где наблюдается сдержанная реакция на формы внешнего идеологического давления (Melvin, 2000).

Аналогичным образом, западные либеральные ценности способны притягивать одни целевые группы, например представителей ЛГБТ-сообщества, но вызывать негативную реакцию у других, особенно в странах Центральной и Восточной Европы, где вопросы культурного суверенитета играют важную роль (Inglehart & Norris, 2016). Критерий демократичности, нередко рассматриваемый в качестве индикатора мягкой силы, также не является универсальным. Так, фигуры авторитарных лидеров — Ли Куан Ю в Сингапуре, Ленин в СССР или Хуан Перон в Аргентине — могут оставаться объектами идеализации и уважения даже в отсутствие демократических институтов в классическом понимании (Zakaria, 1997; Heller, 2009). В то же время неэффективно функционирующая демократия может ассоциироваться с политическим хаосом или институциональной неэффективностью, как это было в случае Бельгии, где страна на протяжении

почти двух лет оставалась без сформированного правительства, что негативно отразилось на её международном имидже (BBC, 2011).

Тем не менее на глобальном уровне сохраняется устойчивая тенденция к восприятию демократии как позитивного элемента национального образа. В результате даже авторитарные режимы нередко стремятся позиционировать себя как демократические государства, чтобы повысить уровень международной легитимности и привлекательности (Levitsky & Way, 2010).

Социальные и бытовые факторы

Наряду с внешнеполитическими и культурными факторами, значительную роль в формировании мягкой силы играет внутренняя ситуация в государстве, включая уровень общественной безопасности, качество городской среды и даже гастрономическую культуру. Как отмечает Nye (2004), привлекательность страны формируется не только через пропагандируемые ценности, но и через повседневный облик жизни, с которым сталкиваются как граждане, так и иностранные посетители.

Снижение уровня внутренней безопасности может негативно отразиться на международной репутации страны. Так, рост преступности и социальной нестабильности во Франции в последние годы всё чаще упоминается в зарубежных СМИ и может снижать восприятие Франции как привлекательного направления для туризма и бизнеса, что, в свою очередь, ослабляет её мягкую силу (Le Corre, 2016; The Economist, 2023).

Другие элементы повседневной жизни — такие как чистота общественных пространств, архитектурная гармония или гастрономическое разнообразие — также могут существенно влиять на восприятие страны. Ярким примером использования гастрономии как инструмента мягкой силы является стратегия так называемой кулинарной дипломатии Таиланда. С начала 2000-х годов правительство Таиланда целенаправленно продвигает свою кухню за рубежом посредством поддержки открытия ресторанов тайской кухни в различных странах, что способствует укреплению позитивного образа страны на международной арене (Rockower, 2012; Chio, 2018). Эта политика, не только стимулирующая экспорт продовольствия и туризм, но и укрепляющая культурную узнаваемость, стала моделью для ряда других государств, стремящихся использовать «мягкие» ресурсы в рамках внешней политики.

Таким образом, внутренняя социальная и культурная среда страны, включая факторы повседневной жизни, способна существенно укреплять или, наоборот, подрывать её мягкую силу в глобальном контексте.

Заключение

В заключение следует отметить, что измерение мягкой силы представляет собой сложную и многогранную задачу. Привлекательность одного государства (страны А) может существенно различаться в восприятии разных международных акторов: она может оказывать положительное влияние на страну В, но при этом оставаться нейтральной или даже вызывать отторжение у страны С. Кроме того, остаётся нерешённым вопрос о приоритетности критериев оценки мягкой силы. Представляется маловероятным, что будет достигнут универсальный консенсус по данному вопросу, поскольку каждое государство

стремится акцентировать внимание на тех аспектах, в которых оно обладает наибольшими преимуществами.

Также представляется целесообразным различать так называемую универсальную (или широкую) мягкую силу — направленную на формирование положительного имиджа среди широкой международной аудитории — и целенаправленную (или точечную) мягкую силу, адресованную определённым государствам, социальным группам или внешнеполитическим задачам. Например, одна стратегия может быть ориентирована на привлечение туристов, другая — на укрепление партнёрства с конкретным государством, третья — на продвижение культурных ценностей в определённых регионах (например, расширение инструментов мягкой силы Анкары в тюркоязычных государствах). Таким образом, существующие индексы, предлагающие количественные способы оценки мягкой силы, несомненно, представляют собой полезный аналитический инструмент. Однако при интерпретации их результатов необходимо учитывать, что такие индексы не обладают универсальностью и не всегда способны отразить всю полноту и сложность мягкой силы в конкретных международных контекстах.

Франсуа Фарнир

Результаты

- Показано, что объективное измерение мягкой силы сталкивается с проблемами субъективности и культурной неоднозначности.
- Выявлено, что дипломатическое присутствие, хотя и важно, не гарантирует позитивного восприятия (пример — обширная дипломатическая сеть США и России, но неоднозначная репутация).
- Демонстрируется, что экономическое богатство не обязательно коррелирует с мягкой силой (как видно на примере Саудовской Аравии и Израиля).
- Исторические факторы могут усиливать или ослаблять мягкую силу: государства с древним наследием (Китай, Египет) часто получают символический капитал, в то время как негативное прошлое (нацистская Германия) ограничивает международное влияние.
- Подтверждается, что культурная привлекательность (Голливуд, японская культура, кулинарная дипломатия Таиланда) существенно усиливает международный имидж.
- Установлено, что внешняя и внутренняя политика могут либо укреплять, либо подрывать мягкую силу в зависимости от воспринимаемой демократичности, стабильности и социальной справедливости.

Обсуждение

Автор анализирует, что существующие индексы мягкой силы часто построены на западоцентричных ценностях и не учитывают культурные различия и исторические контексты. Например, факторы, воспринимаемые как положительные в Западе (защита прав ЛГБТ, свобода слова), в иных культурных контекстах могут вызвать противодействие или отторжение.

Сравнение с работами Nye (2004; 2011) показывает, что мягкая сила действительно зависит от восприятия, но авторство статьи расширяет понимание, вводя концепцию множественности восприятий. Работа также

согласуется с критикой McClory (2021) в отношении ограничений существующих рейтингов, но вносит новизну через деление мягкой силы на универсальную и целевую.

Автор аргументирует, что качественные методы анализа дают глубже соответствие к сложности явления мягкой силы, чем количественные оценки. Он подчёркивает, что любое количественное измерение должно сопровождаться качественными объяснительными компонентами, чтобы отражать разнообразие восприятия и контекстов.

Выводы

- Измерение мягкой силы как объективного феномена не представляется возможным без учёта исторических, культурных и идеологических различий в аудитории.
- Существующие количественные индексы мягкой силы представляют лишь частичный срез объективной реальности и зависят от скрытых ценностных предпосылок.
- Мягкая сила должна анализироваться как комплексное, многомерное явление, требующее сочетания качественных и количественных методов.
- Аналитическом плане полезно различать универсальную и целенаправленную мягкую силу как два разных уровня международного воздействия.
- Для будущих исследований необходима междисциплинарная методология, включающая политическую теорию, культурологию, социологию и исторический анализ, с целью создания более надёжных и чувствительных к контексту измерительных схем.

Список использованной литературы:

1. Neumann, I. B. (2008). *Diplomacy and global governance*. In R. A. W. Rhodes (Ed.), *The Oxford handbook of political institutions*.
2. Lo, B. (2015). *Russia and the new world disorder*. Brookings Institution Press.
3. Zhang, J., & Alon, I. (2019). *China's Belt and Road Initiative: Changing the rules of globalization*. Palgrave Macmillan.
4. Rolland, N. (2017). *China's Eurasian century? Political and strategic implications of the Belt and Road Initiative*. National Bureau of Asian Research.
5. Chomsky, N. (2003). *Hegemony or survival: America's quest for global dominance*. Metropolitan Books.
6. Charap, S., & Colton, T. J. (2017). *Everyone loses: The Ukraine crisis and the ruinous contest for post-Soviet Eurasia*. Routledge.
7. Economy, E. (2018). *The third revolution: Xi Jinping and the new Chinese state*. Oxford University Press.
8. Huntington, S. P. (1996). *The clash of civilizations and the remaking of world order*. Simon & Schuster.
9. Said, E. W. (1978). *Orientalism*. Pantheon Books.
10. Mudde, C. (2019). *The far right today*. Polity Press.

11. Mawdsley, E. (2012). *From recipients to donors: Emerging powers and the changing development landscape*. Zed Books.
12. Kalinovsky, A. M. (2013). *Laboratories of socialist development: Cold War politics and decolonization in Soviet Tajikistan*. Cornell University Press.
13. Berger, T. U. (2012). *War, guilt, and world politics after World War II*. Cambridge University Press.
14. Art, D. (2005). *The politics of the Nazi past in Germany and Austria*. Cambridge University Press.
15. McClory, J. (2021). *The Soft Power 30: A global ranking of soft power*. Portland Communications.
16. Dower, J. W. (1999). *Embracing defeat: Japan in the wake of World War II*. W. W. Norton & Company.
17. Yoshimi, Y. (1995). *"Comfort" women: Sexual slavery in the Japanese military during World War II*. Columbia University Press.
18. Chachavalpongpun, P. (2014). *Good coup gone bad: Thailand's political development since Thaksin*. Silkworm Books.
19. Melissen, J. (2005). *The new public diplomacy: Soft power in international relations*. Palgrave Macmillan.
20. Lankov, A. (2013). *The real North Korea: Life and politics in the failed Stalinist utopia*. Oxford University Press.
21. Fifield, A. (2019). *The great successor: The divinely perfect destiny of brilliant comrade Kim Jong Un*. PublicAffairs.
22. Laruelle, M. (2008). *Kazakhstan: Nation-branding and soft power*. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program.
23. Isaacs, R. (2014). *Party system formation in Kazakhstan: Between formal and informal politics*. Routledge.
24. Le Corre, P. (2016). *France: A soft power under pressure?* Brookings Institution.
25. Inglehart, R., & Welzel, C. (2005). *Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence*. Cambridge University Press.
26. Inglehart, R., & Norris, P. (2016). *Cultural backlash: Trump, Brexit, and authoritarian populism*. Cambridge University Press.
27. Levitsky, S., & Way, L. (2010). *Competitive authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War*. Cambridge University Press.
28. Melvin, N. (2000). *Authoritarianism and the prospect for democracy in Central Asia*. *International Affairs*.
29. Byman, D. (2006). *Friends like these: Counterinsurgency and the war on terrorism*. *International Security*, 31(2), 79–115.
30. Brady, A. M. (2015). *China's thought management*. *Journal of Democracy*, 26(4), 51–59.
31. Haykel, B. (2013). *Saudi Arabia and Islamic militancy*. *Current History*, 112(758), 337–342.
32. Kymlicka, W. (2015). *Solidarity in diverse societies: Beyond neoliberal multiculturalism and welfare chauvinism*. *Comparative Migration Studies*, 3(1), 17.

33. Koopmans, R. (2016). *Does assimilation work? Sociocultural determinants of labour market participation of European Muslims*. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 42(2), 197–216.
34. Rockower, P. (2012). *Recipes for gastrodiploacy. Place Branding and Public Diplomacy*, 8(3), 235–246.
35. Sharman, J. C. (2010). *Shopping for anonymous shell companies: An audit study of anonymity and crime in the international financial system*. *Journal of Economic Perspectives*.
36. Heller, P. (2009). *Lenin, Perón and charismatic leadership*. *Latin American Research Review*.
37. Wilson, E. J. (2008). *Hard power, soft power, smart power*. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*.
38. Zakaria, F. (1997). *The rise of illiberal democracy*. *Foreign Affairs*.
39. U.S. Department of State. (2023). *Diplomatic list*.
<https://www.state.gov/diplomatic-list/>
40. BBC News. (2011). *Thailand and Cambodia troops clash at border near temple*. <https://www.bbc.com>
41. BBC News. (2011). *Belgium breaks world record for time without government*.
42. *The Economist*. (2023). *France's social unrest and its global image*.
43. Nye, J. S. (2004). *Soft power: The means to success in world politics*. *PublicAffairs*.
44. Nye, J. S. (2011). *The future of power*. *PublicAffairs*.
45. Robinson, P. (2019). *Hollywood and the American image*. In *Communication and soft power in the global arena*. Palgrave Macmillan.
46. Chio, J. (2018). *Gastro-diplomacy and nation branding in Asia*. In *Asian cultural flows*. Routledge.